

КОНЕЦ СВЕТА

АНДРЕЙ ЛЕСНОЙ

Андрей Лесной

Конец Света

«Автор»

2026

Лесной А.

Конец Света / А. Лесной — «Автор», 2026

У конца света есть бухгалтерия. Она давно сходится не в нашу пользу. Тридцать три километра воды, через которые идёт пятая часть всей нефти планеты. Невидимая река денег через Тихий океан, без которой Америка не проживёт и года. Три способа, которыми убивают империи, — и все три работают прямо сейчас. Это не тайна. Всё лежит на поверхности, просто разложено по разным полкам, и никто не складывает картину целиком. Эта книга складывает. Разбор сорок первого года, после которого главная катастрофа века выглядит чьим-то выигранным ходом. Союз Москвы и Пекина: на карте монолит, в цифрах — неравный брак с известным финалом. И ответ на вопрос, почему Америка и Россия не могут договориться, даже когда обе хотят: он не в кабинетах, а в книгах, которые эти страны читают своим детям. Никаких тайных правительств. Всё хуже: механизм работает сам, и остановить его уже некому. В финале — четыре сценария будущего и пять признаков, по которым вы поймёте, какой из них начался.

© Лесной А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От составителя	8
Глава первая. Три предложения, которые объясняют всё	9
Глава вторая. Пять счетов за место в центре мира	10
Глава третья. Родословная денег: тревога, ставшая цивилизацией	11
Глава четвёртая. Бронзовый век: как исчезают цивилизации	12
Глава пятая. Тридцать три километра, на которых висит мир	14
Глава шестая. Невидимая река	15
Глава седьмая. Сделка, стоившая Японии тридцати лет	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андрей Лесной

Конец Света

КОНЕЦ СВЕТА

Хроника последней эпохи

Андрей Лесной

2026

Аннотация

У конца света есть бухгалтерия. Она давно сходится не в нашу пользу.

Тридцать три километра воды, через которые проходит пятая часть всей нефти планеты. Невидимая река денег с одного берега Тихого океана на другой, о которой не знает почти никто, — и без которой Америка не проживёт и года. Договорённость, подписанная в гостинице «Плаза», после которой целая сверхдержава тридцать лет не могла подняться с колен.

Всё это не тайна. Всё это лежит на поверхности — просто разложено по разным полкам, и никто не складывает картину целиком.

Эта книга складывает.

Здесь — три способа, которыми убивают империи, и все три работают прямо сейчас. Здесь — стратегия демонтажа гегемона, которую можно прочитать в открытых документах, если знать, что искать. Здесь — разбор сорок первого года, после которого главная катастрофа XX века выглядит как чей-то выигранный ход. Здесь — союз Москвы и Пекина, который на карте монолит, а в цифрах неравный брак с заранее известным финалом.

И здесь — ответ на вопрос, почему Америка и Россия не могут договориться, даже когда обе очень хотят. Он не в кабинетах и не в договорах. Он в книгах, которые эти страны читают своим детям.

Никаких тайных правительств. Всё гораздо хуже: механизм работает сам, без чьего-либо злого умысла, и остановить его целиком уже некому.

Война идёт. Её просто ещё не объявили.

В финале — четыре сценария будущего и пять признаков, по которым вы сами поймёте, какой из них уже начался.

Содержание

От составителя

1

Часть первая. МЕХАНИЗМ

2

Глава первая. Три предложения, которые объясняют всё

3

Глава вторая. Пять счетов за место в центре мира

6

Глава третья. Родословная денег: тревога, ставшая цивилизацией

9

Глава четвёртая. Бронзовый век: как исчезают цивилизации
12

Часть вторая. УЗЛЫ
15

Глава пятая. Тридцать три километра, на которых висит мир
16

Глава шестая. Невидимая река
19

Глава седьмая. Сделка, стоившая Японии тридцати лет
22

Глава восьмая. Поколение, которое посчитало и вышло из игры
24

Часть третья. ШАХМАТНАЯ ДОСКА
26

Глава девятая. Три способа убить империю
27

Глава десятая. Как читать государство: шахматный набор
30

Глава одиннадцатая. Америка: континентальная крепость и трещина в короле
33

Глава двенадцатая. Россия: Третий Рим и проблема преемника
36

Глава тринадцатая. Иран и логика тех, кто не капитулирует
40

Часть четвёртая. ДВЕ БИБЛИИ
43

Глава четырнадцатая. Гордыня как добродетель
44

Глава пятнадцатая. Гордыня как гибель
47

Глава шестнадцатая. Бюрократизация воображения
50

Часть пятая. ВОЙНА

53

Глава семнадцатая. Сорок первый год: игра, которую переписали

54

Глава восемнадцатая. Как разбирают империю

60

Глава девятнадцатая. Неравный брак: Москва и Пекин

64

Глава двадцатая. Возвращение старых держав

69

Глава двадцать первая. Глобальный Юг: война нарративов

73

Глава двадцать вторая. Кто выигрывает войны

76

Глава двадцать третья. Три фронта и точка слияния

78

Часть шестая. ПРОГНОЗ

82

Глава двадцать четвёртая. Четыре сценария

83

Эпилог. Пять прогнозов

87

От составителя

Рукопись, которую вы держите в руках, попала к нам в виде расшифровок: полтора десятка лекций, три долгих интервью и папка заметок, написанных от руки в самолётах между Пекином, Стамбулом и Хьюстоном.

Её автор, экономический обозреватель Андрей Лесной, никогда не называл себя пророком и раздражался, когда его так называли. Он говорил проще: «Я не предсказываю пожар. Я показываю, где сложена сухая солома и сколько человек в этом доме курят».

Мы публикуем эти записи почти без правки. Читателя, который ждёт разоблачения тайного мирового правительства, ждёт разочарование: никакого режиссёра в этой истории нет. Есть кое-что похуже — механизм, который работает сам, без чьего-либо злого умысла, и который уже некому остановить целиком.

Начинается всё, как ни странно, со счёта за завтрак.

Часть первая. МЕХАНИЗМ

Как устроена машина, которая восемьдесят лет держала мир на плаву.

Глава первая. Три предложения, которые объясняют всё

Начну с признания, за которое меня недолюбливают коллеги: устройство современной мировой экономики умещается в три предложения. Всё остальное — комментарии.

Персидский залив продаёт миру дешёвую энергию. Восточная Азия превращает эту энергию в товары. Запад потребляет эти товары и печатает деньги, в которых всё это считается.

Три угла. Ни один из них не может существовать без двух других. И вот здесь начинается странность, которую я прошу вас запомнить, потому что к ней мы будем возвращаться до самого конца книги.

Почти вся эта конструкция работает через одну-единственную валюту. Залив продаёт нефть за доллары. Азия продаёт технику за доллары. И почти все вырученные доллары рано или поздно возвращаются туда, откуда пришли, — в американские облигации, банки и биржи. Круг замыкается сам на себе, и именно эта замкнутость даёт доллару силу, которую невозможно объяснить размером американской экономики. Америка производит около четверти мирового ВВП, но её валюта обслуживает куда больше половины мировой торговли. Разницу обеспечивает не мощь. Разницу обеспечивает привычка.

Быть в центре такого круга кажется привилегией. Я двадцать лет объясняю студентам, почему это скорее заложничество.

Чтобы круг работал, страна в его центре обязана обеспечивать свободное движение денег по всему миру. А свобода движения денег означает потерю контроля над собственной валютой. Задайте простой вопрос человеку из финансового ведомства: сколько долларов на самом деле обращается за пределами США? Он не ответит. Не потому, что скрывает, — а потому, что не знает. Никто не знает. Деньги давно перестали быть бумажками в хранилище: это строчки на серверах, рождающиеся вместе с банковским кредитом и исчезающие вместе с его погашением, и значительная часть их создаётся в Лондоне, Сингапуре и Гонконге, где американский регулятор не имеет никакой власти.

Вдумайтесь. Самая могущественная финансовая система в истории человечества не в состоянии пересчитать саму себя.

Так небольшая пустынная провинция мира и фабричный континент на другом краю океана стали молчаливыми акционерами западного благополучия. Они не заседают в советах директоров и не голосуют на выборах. Но у них есть право, которое сильнее любого голоса, — право однажды передумать.

Именно это право они и начали осторожно пробовать на прочность. И чтобы понять, почему сейчас, а не десять лет назад, придётся сначала разобраться, во сколько обходится место в центре круга.

Глава вторая. Пять счетов за место в центре мира

У привилегии печатать мировую валюту есть счёт. Он выставляется тихо, растянут на десятилетия, и — вот главная его особенность — оплачивает его совсем не тот, кто получает от неё больше всего.

Счёт первый: независимость. Страна, чья валюта обслуживает планету, больше не может настраивать её под себя. Каждое движение ставки немедленно отражается на десятках чужих экономик, а те, в свою очередь, откликаются обратно. Руль остаётся в руках, но машина едет по чужой колее.

Счёт второй: производство. Чтобы обслуживать глобальные потоки капитала, приходится жертвовать заводами. Не по злему умыслу — по арифметике. Если управлять чужими деньгами выгоднее, чем делать вещи, капитал утекает туда, где выгоднее, и никакие патриотические речи этого не отменяют. Так страна перестаёт делать вещи и начинает делать проценты.

Счёт третий: коррупция особого рода. Не та, за которую сажают. Та, которая полностью законна: когда решение принимается не потому, что оно эффективно, а потому, что за него заплатил тот, кто может позволить себе лоббиста. Хотите увидеть её физическое воплощение — сядьте на пригородный поезд из Вашингтона и посмотрите в окно. Округа, которые двадцать лет назад были обычной провинцией, сегодня среди богатейших в стране. Там ничего не изобрели. Там просто оказались достаточно близко к тому месту, где подписывают оборонные контракты.

Счёт четвёртый: неравенство, которое экономисты называют К-образным. Представьте букву К: два луча, растущие из одной точки в разные стороны. Верхний луч — биржевые индексы, элитная недвижимость, состояния немногих. Нижний — аренда, зарплата, шанс когда-нибудь купить собственное жильё. Оба луча выходят из одного корня, и именно поэтому средние показатели выглядят прекрасно, пока большинство людей не может свести концы с концами. Средняя температура по больнице — самое честное описание современной статистики.

И счёт пятый, самый тихий, о котором почти не говорят вслух: обязанность держать мир открытым. Чтобы товары и деньги свободно ходили по морям, кто-то должен эти моря охранять. Военный бюджет в такой системе перестаёт быть выбором и становится арендной платой за само её существование. Вы платите не за победу в войне. Вы платите за то, чтобы контейнеровоз из Шанхая дошёл до Роттердама, а вы не заметили, что с ним могло что-то случиться.

Пять счетов копились восемьдесят лет. Общество терпело их, пока действовала негласная сделка: ты работаешь — ты получаешь дом, семью, стабильность. Пока сделка выполнялась, счета оплачивались молча.

Проблема в том, что сделка перестала выполняться. Но прежде чем говорить о том, что происходит с обществом, которое разучилось верить в собственные правила, нужно понять, откуда эти правила вообще взялись. И тут придётся вернуться на пятьсот лет назад — к людям, которые придумали копить деньги, не имея права ими наслаждаться.

Глава третья. Родословная денег: тревога, ставшая цивилизацией

Чтобы понять, почему прибыль на бирже так легко обгоняет прибыль от завода, нужно отправиться туда, где родилась сама идея копить, а не тратить. Приготовьтесь: начало этой истории не финансовое. Оно религиозное — и довольно жуткое.

У протестантских реформаторов было учение, от которого веет холодом даже сегодня: судьба каждого человека — рай или ад — решена ещё до его рождения, и никакая церковь, никакие пожертвования, никакие молитвы этого не изменят. Казалось бы, такая мысль должна парализовать всякое усердие. Зачем стараться, если приговор уже вынесен?

Но тревога устроена хитрее логики. Узнать свой приговор напрямую нельзя — зато можно искать его приметы. И приметой избранности незаметно назначили успех, помноженный на воздержание: заработал — не смей проесть, вложи снова. Так появился человек нового типа, которому вера запрещает наслаждаться плодами труда, но поощряет бесконечно их приумножать. Из этого нервного тика, из этой невротической невозможности остановиться, выросла целая цивилизация бухгалтеров.

Первыми преуспели голландцы. Республика купцов, которым нельзя было проедать сбережения, начала вкладывать их в компании, гонявшие корабли за пряностями на другой конец света. Через пару поколений это была самая богатая земля Европы, породившая по дороге первый в истории средний класс.

И тут же — вечная проблема любого разбогатевшего: как удержать деньги, если вокруг ходят армии, которым эти деньги очень нравятся. Голландцы решили её изящно: они поженили свою казну с островом, обладавшим лучшим на тот момент флотом в мире. Английская революция тысяча шестьсот восемьдесят восьмого года выглядит в учебниках как политическое событие. По сути это был переезд сейфа.

А через шесть лет в Лондоне появилось учреждение, которое я считаю самым странным изобретением человечества после самих денег.

До Банка Англии купцы боялись давать в долг королям, и было чего бояться: король мог проиграть войну, умереть или просто заявить, что он король и никому ничего не должен. Новый банк придумал ход, изменивший историю: он ссужал деньги не королю, а нации. То есть, по существу, каждому, кто в этой нации ещё только родится.

С этого момента долг стал бессмертным. Короли умирают — нации нет.

И вот следствие, которое стоило Европе целой эпохи войн: страна, способная занимать бесконечно, может позволить себе проигрывать бесконечно, лишь бы выиграть последнее сражение. Наполеона англичане разбили не гениальностью полководцев. Они разбили его кредитной линией — терпя поражение за поражением и оплачивая следующую коалицию, потому что победить нужно было один раз, а денег хватало на семь попыток.

Этот механизм позже унаследовала Америка. Вместо короля — Конгресс, вместо парусного флота — авианосец, вместо золота в подвале — вера всего мира в то, что бумага чего-то стоит.

Вера — слово, которое я прошу подчеркнуть. Потому что вся эта конструкция, от кальвинистской тревоги до сегодняшних торгов, держится ровно на ней. А вера, в отличие от золота, имеет свойство исчезать за одну ночь.

Глава четвёртая. Бронзовый век: как исчезают цивилизации

Есть один исторический сюжет, который я пересказываю чаще остальных, потому что он объясняет то, чего не объясняет ни один график. И я предупреждаю: после него вы будете иначе смотреть на новости о задержках поставок.

Три с лишним тысячи лет назад на восточном берегу Средиземного моря существовала на удивление связанная цивилизация. Дворцы обменивались оловом, медью, зерном и посольствами через тысячи километров. Работала дипломатическая почта, ходили торговые караваны, царские писцы вели переписку на общем языке. Человек, живший внутри этого мира, счёл бы сумасшедшим любого, кто сказал бы ему, что через одну человеческую жизнь от всего этого не останется почти ничего.

Но за несколько десятилетий исчезло всё. Города сожжены, дворцы заброшены, письменность в некоторых местах утрачена настолько, что читать заново научились только через столетия. Историки до сих пор спорят о причинах, и самое неприятное в их спорах — не то, что они не пришли к согласию, а то, что ни одна из предполагаемых причин по отдельности не выглядит достаточной.

Несколько неурожайных лет. Землетрясение в одном крупном порту. Перебой с поставками олова — металла, без которого не сделать бронзу, а без бронзы нет ни плуга, ни меча. По отдельности — неприятности. Вместе — цепная реакция: останавливаются мастерские, беднеют дворцы, исчезают налоги, а голодные молодые мужчины, оставшиеся без ремесла, садятся в лодки и превращаются из купцов в тех, кого египетские писцы назовут народами моря.

Вот ошибка, которую совершаем и мы: мы привыкли считать взаимосвязанность синонимом прочности. Логика кажется убедительной — если у меня десять поставщиков, я застрахован. На самом деле у плотной связности есть обратная сторона, и она страшнее: чем теснее переплетена система, тем быстрее локальная поломка расходится по всей сети. Прочность превращается в хрупкость в тот самый момент, когда ломается что-то одно.

Сегодняшний мир связан так, как бронзовому веку не снилось. Контейнеровозы размером с небоскрёб. Оптоволокно по дну океанов. Банковские переводы за секунды. Деталь, произведённая в четырёх странах и собранная в пятой, лежит в кармане у каждого из нас.

И та же самая плотность делает нас уязвимыми ровно для тех же самых поломок. Если у слишком многих людей на планете одновременно не хватает еды, воды или работы, история не спрашивает нашего разрешения повториться. Она просто повторяется — быстрее и в других декорациях.

Добавлю то, о чём в экономических кабинетах говорить не любят. Последние несколько десятилетий человечеству просто везло с погодой. Не было ни одного по-настоящему глобального неурожая. Между тем климат в истории колебался всегда, и почти каждое такое колебание оставляло после себя переселения народов и рухнувшие династии. Если удача закончится — а она рано или поздно заканчивается, — голод вернётся в те регионы, где мы уже привыкли считать его побеждённым, и вернётся не как гуманитарная проблема, а как геополитическая.

Я говорю это не для того, чтобы напугать вас датой. Я говорю это, чтобы объяснить, почему в следующих главах мы будем разбирать не громкие события, а узкие места. Устойчивость системы измеряется не тем, как красиво она выглядит в спокойный год, а тем, что происходит в её самом слабом узле в плохой.

Таких узлов у нашей цивилизации немного. Первый из них — полоска воды шириной в тридцать три километра.

Часть вторая. УЗЛЫ

Несколько точек на карте и в финансах, от которых зависит всё остальное.

Глава пятая. Тридцать три километра, на которых висит мир

Посмотрите на карту мира и найдите Ормузский пролив. В самом узком месте — около тридцати трёх километров. Меньше, чем некоторые ездят на работу.

Через это горлышко ежедневно проходит примерно пятая часть нефти, потребляемой человечеством, и заметная доля мирового сжиженного газа. Не пятая часть чьего-то экспорта — пятая часть всего, что сжигает планета. Рядом, у входа в Красное море, лежит второе горлышко, Баб-эль-Мандебский пролив, через который идут контейнеры между Азией и Европой. Дальше на восток — третье, Малаккский пролив, через который получает нефть весь промышленный Китай.

Теперь фокус, от которого у военных портится настроение. Закройте один пролив — и страховая ставка для судов взлетает в разы за считанные дни. Закройте два одновременно — и выяснится, что защитить их не в силах даже самый мощный флот в истории человечества.

Почему? Из-за арифметики, перевернувшей войну на море за последние десять лет. Эсминец стоит два миллиарда долларов. Дрон, способный этот эсминец повредить, — несколько десятков тысяч. Ракета-перехватчик, сбивающая такой дрон, — миллионы. Считайте сами, кто разорится первым в этом обмене.

Отсюда вытекает логика, которую я называю силой слабого. Чтобы навредить огромной системе, вовсе не нужно её побеждать. Достаточно сделать её обслуживание слишком дорогим. Небольшая вооружённая группа на берегу способна поставить на счётчик целый континент, если этот континент зависит от одного узкого маршрута.

И дальше начинается домино совсем другого рода, чем обычный скачок цен. Страховщики поднимают ставки — и груз дорожает. Перевозчики выбирают обходные маршруты вокруг Африки — плюс две недели пути и сотни тонн топлива. Инфляция возвращается туда, откуда, казалось, ушла навсегда. Правительства, которые вчера спорили об идеологии, вдруг обнаруживают, что зависят друг от друга сильнее, чем готовы были признать вслух.

У каждой великой державы есть свой персональный кошмар в этом списке. У Китая он даже имеет имя — малаккская дилемма: осознание того, что почти вся импортируемая страной нефть проходит через пролив, который в случае конфликта перекроет чужой флот. Именно из этого страха выросли и северный морской маршрут вдоль российского побережья, и трубопроводные проекты через всю Евразию. Не из дружбы. Из географии.

Вот что на практике означает закат прежнего порядка. Не флаги над поверженной столицей и не танки на площадях. А короткий список проливов, которые больше некому охранять в одиночку, — и растущее у всех участников понимание, что старый охранник устал.

Но у нашей цивилизации есть узел потоньше этого. Он не на карте. Его вообще нельзя увидеть — и именно поэтому он опаснее.

Глава шестая. Невидимая река

О крахе некоторых валют пишут на первых полосах. А есть механизмы, о существовании которых не подозревает почти никто, — и держат они куда больше, чем всё, что попадает в заголовки.

Десятилетиями японские банки кредитовали внутри страны почти под ноль процентов. Причина была прозаичной: экономика боролась с дефляцией, деньги требовалось сделать максимально дешёвыми. Но у дешёвых денег есть неизбежное следствие, и оно оказалось глобальным.

Если можно занять почти бесплатно, самая очевидная стратегия — не вкладывать эти деньги дома, где всё равно ничего не растёт, а купить на них что-то доходное за границей. Например, американские государственные облигации. Занять в Токио под ноль, вложить в Вашингтон под четыре-пять, разницу забрать себе. Финансисты называют это иеновым керри-трейдом. Звучит скучно. Масштаб — триллионы долларов.

Представьте себе невидимую реку, текущую с одного берега Тихого океана на другой. Пока она течёт ровно, о ней не думает никто: она просто есть, как ток в проводе. На ней держится значительная часть спроса на американский долг — а значит, и возможность крупнейшей экономики мира жить в долг дальше.

А теперь представьте, что река начинает течь обратно.

Стоит иене резко пойти вниз, и вся конструкция переворачивается. Занимать становится опасно. Те, кто уже занял, бросаются закрывать позиции одновременно — а закрыть позицию означает продать зарубежные активы и вернуть деньги домой. Не постепенно. Разом, потому что все читают одни и те же графики.

Вот почему падение курса валюты далёкой островной страны способно всерьёз напугать чиновников за океаном — гораздо сильнее, чем можно предположить, глядя на размер японской экономики. Речь идёт не о Японии. Речь идёт о том, кто оплачивает американский дефицит завтра утром.

Есть и вторая, менее очевидная причина, по которой Токио так долго покупал американский долг. Формально это инвестиция. По существу — плата за постой. На японской земле десятилетиями стоят американские базы, и покупка облигаций союзника — самый вежливый из известных способов сказать: мы ценим ваше присутствие, продолжайте нас защищать и, по возможности, не мешайте нам жить.

Когда министр финансов выходит к камерам с цифрами, накаляканными от руки в блокноте, чтобы «успокоить рынки», — это не демонстрация силы. Я двадцать лет читаю такие жесты и говорю вам прямо: это последний доступный жест. Реальных инструментов остановить отток невидимой реки почти нет.

Почти. Один всё-таки есть, и он однажды уже применялся — с последствиями, которые целая страна расхлёбывала тридцать лет.

Глава седьмая. Сделка, стоившая Японии тридцати лет

В середине восьмидесятых у Америки была почти та же проблема, что и сегодня, только с обратным знаком. Японская иена была слишком слабой, японская промышленность — слишком хорошей. Мировая ликвидность утекала в Токио, а американские заводы закрывались один за другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.